Анатолий Смышников… Поэт, на которого я обратила внимание с его первой публикации в «Российском писателе» и никак не могла определить стиль письма: то ли что-то от Бориса Корнилова, то ли от Гумилева… Но с юных лет осталась во мне эта привычка, запоминать имя понравившегося автора. И вот передо мной его книга «О людях, для меня дорогих»[1]. Я взялась за чтение с радостным ожиданием, но и с некоторой боязнью разочароваться, что всегда огорчает, как непредвиденная утрата. Ревниво перелистывая страницы и сдерживая нарастающую радость, вслушивалась я в исповедь хорошего человека, который знает жизнь, однако не перестает дорожить ею, не подводит баланс потерь и приобретений, а мучительно наблюдает взросление души и состояние нашего абы как устроенного человеческого общежития.

В круге туч свинцовых
Мечется гроза.
За стеклом дворцовым
Мертвые глаза.

Ловит грудь напрасно
Воздуха глоток.
Пальцы рвут атласный
В жемчугах платок.

---

[1] Смышников А.П. О людях, для меня дорогих. — АО «Воронежская областная типография». — Воронеж, 2018.

Грозный гул народа:
Кто да чья вина?
Черная колода,
Белая спина.

Тень венца рогата.
Старый шут блажит.
Царский перст в агатах
Вдоль строки бежит.

Кровь с помоста льется.
Нет свободных мест.
А палач смеется
И калину ест.

Очень скоро я перестала искать схожесть с кем-то, но еще долго пыталась объяснить себе, в чем тайна очарования этой поэзии? Безусловно, лирик, но какая объемная, подтекстовая, сугубо мужская лирика. На портрете к стихотворной подборке в «Российском писателе» и лицо волевое, мужское. Видно, что с характером человек, коренастый, крепкий: воронежско-ростовский типаж. Биография пронзена участием в афганских событиях. В стихах автор пишет об этом мало, но ярко:

Она была густой и горькой,
Как доля наша, как беда,
Обильно сдобренная хлоркой,
Вода. Афганская вода.
А мне казалось, слаще нету,
И, наливая через край,
Я пил два года воду эту
В долине смерти — Кагалай...
.....
И той воды частица, малость
Всех перевалов и застав,
Войдя однажды, в нас осталась,
Слезами став и кровью став.

Мне кажется, что опыт Афганской войны пока не осмыслен в нравственных и философских категориях общих побед и потерь в жизни нашего народа. Ведь, кроме войны, там впервые после 20-х годов XX века было массовое соприкосновение, в первую очередь, русских людей (так как для южных россиян «восток — дело тонкое», но понятное) с чужой культурой и обычаями. Долгая полувековая мирная жизнь в России сделала это знакомство для большинства населения еще более радикальным, но, тем не менее, его роковая цена приблизила нас всех к экзотическим и неведомым ближневосточным землям. Я помню, с каким ужасом воспринимали мы сводки с «Восточного фронта». Единая и общая религия мусульман, которой так спекулировали все, кто мог, проводя колючую границу между исламом и христианством, тем более, православием. Жестокость ортодоксов и наемников... Чужой и сказочный колорит страны, представляемой до этой войны многими из нас по «Сказкам тысячи и одной ночи»... Страшное, диковинное и героическое — это не могло не изменить картины мира в сердцах всех наших воинов-афганцев, их семей, их близкого и дальнего окружения. Не могло не заставить глубже понять самих себя.

Чужие дороги! Вы звали и били.
Мы знали, что можем вернуться едва ли.
Но все-таки шли, потому что любили.
Но все-таки шли, потому что мечтали.

Это слова человека, который пошел в Афган добровольцем и, несмотря ни на что, не пожалел о своем выборе.

Как фронтовики Великой Отечественной не любят вспоминать об ужасах той войны, так не любят вспоминать о своей войне и «афганцы». Анатолий Смышников глубоко и коротко касается афганской темы, словно извиняясь, что остался жив и винясь за это перед ушедшими.

Я помню каждого солдата,
Я вижу их сквозь кожу век,
Ведь молодыми, как когда-то,
Они останутся навек.
.....
И если больше нам не встретиться,
То чья вина?
Два года и четыре месяца
Война, война...

Эти два года и четыре месяца заставили поэта пересмотреть весь свой прежний жизненный опыт. Он стал писать строже, покаяннее и ярче.

Пронзительный лирик Анатолий Смышников, изначально стремившийся «за окоем», словно увидел и свою личную судьбу во всем новом объеме русской души, уплотняя смыслы и сжимая пространство стихов. Название главной части новой книги «Луна на краешке рояля», показавшееся мне сначала «красивостью провинциального автора», оказалось настолько точным, что теперь я уже и не представляю другого образа его Любви. При внимательном прочтении, путаясь в разветвлениях, вспышках и угасаниях чувства, в конце концов, приходишь к выводу, что творчество его зиждется все-таки на единственной, через всю жизнь проходящей любви.

Две створки белых — две межи —
Холодным светом ночь разъяли.
Клубком серебряным лежит
Луна на краешке рояля.
Во сне, в пространстве ли ином,
Горячий вздох и шелка шорох —
То ночь, пропахшая вином,
Нелепо путается в шторах.
Волос душистою волной,
Не веря мелочным наветам,
Прильни ко мне и будь со мной
На этом свете и не этом.

Практически, с первых страниц книги начинается предчувствие драмы, которую всегда несет с собой даже счастливая любовь мужчины и женщины.

В глазах любимой на рассвете
Далеких звезд горят огни.
Зачем даны нам ночи эти,
Коль скоро кончатся они?
.....
Я гость полночный, не загаданный,
Тебе от дальних берегов
Принес в ладонях запах ладанный,
А в сердце золото волхвов...

Нагулялся богатырь по миру, навоевался-настрадался, надышался жизнью и смертью — попробуй сладить с таким.

Что теперь вдали
мне твои суды?
Был — и вновь ничей,
там и тут покой.
Навезу земли,
посажу сады.
Проведу рукой —
Назову рекой.
Это не беда,
что забыл цвет глаз.
Этот голос для
нечужих дрожит.
Глубока река
разделяет нас.
Тяжела земля
на груди лежит...

Он всегда держит нас в силовом поле чувств обеих сторон: мужчины и женщины. И выговаривает боль обеих сторон. Редкий случай. Обычно обида разрыва заставляет или каяться одну из сторон, или клясть. А тут постоянный поиск ответа — почему?

Я усвоил, ревнуя и злясь
(Нет и не было прежде примера):
Там, где ты — неустойчива связь.
Там, где я, неустойчива вера.

Вот собственно и ответ — неустойчивая связь и неустойчивая вера. Попробуй разберись с сердцем и душой. В книге «О людях мне дорогих» автор касается любви, как минного поля, на котором не знаешь, где подорвешься. И еще житейское: словом можно убить человека:

Так говорят.
Я слышал, но не верил.
Один лишь шаг!
Да кто считал,
Кто мерил?
Придумал кто,
Какой лукавый враг,
Что от любви до ненависти шаг.
Я был уверен
Это невозможно.
Но ты шагнула так неосторожно.
И здесь внутри,
Где билась кровь устало,
Сломалось что-то.
И любви не стало.
Ступай и знай:
При встрече не обижу.
Да, я любил,
А нынче ненавижу.

Это эмоция момента, но она схвачена идеально: «И любви не стало...». Именно в такие минуты все надежды выжигаются дотла. Слишком много сил растрачено на милосердие и глубину покаяния.

Хрупкий мир старика
Слезен:
Рву в саду и давлю
Вишни.

Всем простил, кому был должен.
Всех забыл, кого счел лишним.
Засыпаю под дождь —
Зуммер,
Ни врагов, ни друзей
Рядом.
Телефон, почернев.
Умер,
Отравившись твоим ядом.

Пропустим это неубедительное «старик». Такие, как герой нашего повествования, стариками не бывают: не успевают растратить темперамент и энергию в течение всего одной человеческой жизни. Но все-таки это смерть той любви, которая так глазасто видела все трудности и радости бытия, и все обращала в силу Жизни.

Стальных решеток
И стеклянных конусов,
Бетонных келий преданный
Жилец,
Я из зимы вернулся, как из Космоса —
Живым, но обезлюбившим вконец.

Драматическое чувство разбивает судьбу вдребезги, но жизнь продолжается. И поэт включается во все ее сферы, глубоко интересуется историей Отечества.

Кочевник что... Аркан да нож,
Урона много ли?
Тянули дань, секли, но все ж
Церквей не трогали.
А наши споров не вели,
Мольбу не слушали.
С одною верой возвели —
С другой порушили...

Он пишет циклы иронических стихов, пробует себя в современной басне, создает небольшие повести-миниатюры. Его самобытное художественное «Я» преодолевает усталость чувств и происходит осмысление своего тернистого пути.

Так мне и жить и роптать в исступлении.
Так и уйду с ощущеньем вины.
Стену б сложить из каменьев прозрения
Да и поплакать у этой стены.

Как это не похоже на совсем недавнее:

Я не знал, что так бывает:
Водка в горле застревает.

Два впечатления остались со мной по прочтении книги: мужественность и исповедальная искренность письма, вызывающая сострадание и сопереживание...

Когда б не слезы — высохла душа
И стала камнем,
Если бы не слезы.

Мы становимся чуть тоньше и лучше от перенесенного крушения надежд. И есть люди, которые умеют это пережить и поделиться с нами сокровенным и обогащающим — нашими же словами, но построенными в каком-то особенном, порядке. Лучше всех это удается поэтам.